

Заяицкий Сергей Сергеевич

Вместо матери
Повесть в 3 частях

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Сергеевич З.**
Вместо матери: Повесть в 3 частях / Заяицкий Сергей Сергеевич – М.: Книга по Требованию,
2024. – 168 с.

ISBN 978-5-519-85925-7

ISBN 978-5-519-85925-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Отец тоже прислушался и покачал головою.

— Надо на мельницу ехать за мукой. Еще отрежут.

— И зачем так далеко завез?

— Дешевле там...

— А это не гром, — сказал Петя, — а я знаю. Это пуски.

Пете было всего три года, и пушки его не пугали, а радовали. Интересно.

Вспомнив все это теперь, Катя с некоторым страхом прислушалась. Но вдалеке все было тихо. До того тихо, что даже неприятно. Лишь бы мать скорее приходила.

Катя еще раз оглядела улицу.

Мирные белые домики, колодцы с „журавлями“. Даже дико себе представить, что здесь вот может быть война. На картинках войну всегда изображали среди гор, скал, водопадов. Кате очень захотелось сбегать к своей подруге Гале, но нельзя было оставить дом, а главное — Петю. Страшно даже подумать, как он будет плакать, если проснется и увидит, что никого нет. „А ведь есть, вероятно, такие злые сестры, — подумала Катя, — которые уходят и спокойно покидают маленьких братцев“.

И вдруг в этот самый миг послышался пронзительный крик Пети.

Катя бросилась в дом.

Петя стоял в кроватке и кричал, дрожа всем телом.

— Что ты? Что ты? Петя? Я здесь! Не плачь!

Но он трясся, словно от ужаса и сквозь рыдания силился что-то сказать...

В это время дверь в сенях как-то странно хлопнула, должно быть, затворилась от ветра.

Катя кинулась её запирать.

Ей вдруг стало как-то не по себе в пустом доме с плачущим братом. Чего он так испугался?

И вот около самого дома послышались громкие сердитые голоса.

Почти в тот же миг увидела Катя в окне военные фуражки.

— А ну-ка, отоприте!—крикнул голос, и в дверь грохнули кулаки.

Петя от ужаса даже перестал плакать, вцепившись ручонками в Катину платье.

— Отоприте, вам говорят!

Катя, сама вся дрожа, погрозила Пете пальцем, отцепила его ручки и подошла к двери.

— А вам кого?

— Все равно кого, отпирай!..

— Папы нет, мамы тоже нет...

— Ну, это мы разберем, где папа, где мама. Отпирай!

И дверь так рванули, что крючок едва не отскочил.

Сообразив, что делать больше нечего, Катя отперла.

Трое военных в шинелях с ружьями и револьверами вошли в дом.

— Это ты одна такая дома?

— Одна... вот с братом...

Катя с тоской посмотрела на Петю, но тот довольно бодро поглядывал на пришельцев. Должно быть, его заинтересовали ружья.

— Так... очень приятно-с... И больше тут никого нет?

— Нет.

Военный, казавшийся начальником, самый высокий и самый страшный, вдруг подбоченился, поглядел на Катю и крикнул.

— А монах где?

Катя выпучила глаза.

— Какой монах?

— Ты знаешь, какой. Говори, куда монаха спрятала.

Катя смотрела на него в полном недоумении.

Один из военных что-то шепнул начальнику.

— А вот мы сейчас еще убедимся,—сказал тот грозно и наставил на Катю в упор револьвер.

— Говори, где... Не скажешь, убью... До трех считая.

Петя страшно закричал и зарыдал навзрыд.

Катя инстинктивно сделала движение подойти к нему.

— Стой... Говори... Раз, два... ну!..

Катя вдруг насупилась и сказала неожиданно сама для себя сердито:

— Стреляйте, если хотите... Я же говорю, что не знаю.

— Три... Ишь ты какая важная!

Но он не выстрелил, а с некоторым смущением и досадой опустил револьвер.

— Очевидно, не врет. Куда ж он, чорт, делся?.. Мне ясно показалось...

— Я говорил, что он дальше побежал... Зря мальчонку расстроили... Ишь как заливается...

Говоривший пощелкал пальцами у Пети перед лицом.

— Не надо, не надо плакать.

— А ну вас с вашими нежностями,—вскричал начальник.—Двигайтесь скорее.

— Все равно упустили.

Они вышли, стуча сапогами, и яростно захлопнули за собою дверь.

Катя подбежала к Пете, схватила его на руки и целуя стала носить по комнате.

— Не плачь. Сейчас мама придет. Не плачь.

Петя понемножку успокоился, и она, устав носить, посадила его на стул.

— Молока хочешь?

Но он отрицательно покачал головой, всхлипывая и все еще дрожа всем телом.

Катя пошла в сени запереть дверь.

С перепугу она долго возилась с крючком.

В сенях было уже совсем темно, однако Кате вдруг почудилось, что кто-то есть позади нее.

Она, не понимая хорошенько в чем дело, быстро юркнула в комнату и в страхе хотела запереть и эту дверь. Но дверь не затворялась. Наоборот, Катя почувствовала, как кто-то надавил ее с той стороны.

Катя испуганно отскочила и закрыла собою Петю.

Оборванный монах вошел в комнату.

— Тише, тише, — шептал он, — только не бойся... Ничего не бойся... ничего не будет... Дай мне только скорее тряпку. Чистую тряпку дай... И воды дай... побольше воды дай... ффу...

Он тяжело сел на скамейку.

— Не бойся только... и ты паренек не реви... это не дело — мужчине реветь... не надо...

Оттого ли, что Петя уже излил весь свой страх, но он на этот раз только бессмысленно хлопал глазами, глядя на странного гостя.

А между тем было чего испугаться.

Монах был бледный, взъерошенный, весь в грязи и в пыли, ряса у него внизу болталась клочьями, на опорках (он был в лаптях) запеклась кровь.

— Псы проклятые,—говорил он, разрывая тряпку и завязывая ею ногу,—хорошо, если не бешеная

— Тише, тише, — шептал монах, — только не бойся...

собака укусила... Спасибо, девочка. Ну, а теперь воды дай. Ох, хорошо... Дюже хорошо... Ф-фу.—Он выпил под ряд две кружки. Затем он задумчиво поглядел в окно, потирая себе колени.

— Они туда пошли, военные эти?

Катя робко кивнула головой.

— Хорошо, что темно в сениях-то. Не заметили они меня за ушатом.

Монах задумался.

Очевидно, чтоб успокоить девочку, он спросил.

— Тебя как зовут?

— Катя!

— А по фамилии?

— Сенцова!

— А его?

— Петя!

— Слушай-ка, что я тебе скажу. Никому, понимаешь, никому не говори, что я был здесь... ни отцу, ни матери, никому... Отец-то кто?

— Отец? Он механик.

— Царя больно любит?

— Не знаю.

— А Ленина?

— Не знаю.

— Ну, ладно... одним словом, ничего не говори... Да постой... Ты-то не скажешь, а ведь он-то, пожалуй, сболтнет... А?

Он внимательно посмотрел на Петю.

— Знаешь, если ты, паренек, тоже никому ничего не скажешь, то-есть, что меня видел... Что монаха видел... я тебе такой пряник дам... Во какой...

Петя молча качнул головой.

Монах опять поглядел на окно.

— Темно становится.

Катя взяла было спички...

Гость перестал внушать ей страх.

— Оставь, не зажигай...

Он подошел к самому окну и приложил к стеклу лицо.

Потом вышел в сени, постоял у двери, осторожно откинул крючок, а затем сразу распахнул дверь и исчез во мраке.

Когда Катя опомнилась и кинулась запирать, никого уже не было.

— Кто это был за дяденька? — спросил Петя тихо.

— Молчи, Петя, не говори про него!

— Он пряник даст?

— Да!

Катя, все еще не оправившись от пережитого волнения, сидела на скамейке. Ей даже вдруг плакать захотелось, чего уж давным-давно с ней не случалось.

Она, не зажигая света, накормила Петю и стала рассказывать ему его любимую сказку про „Кота в сапогах“.

Рассказывая, она все прислушивалась, но мать не шла.

— Зажги лампу.

— Не стоит, Петя.

— Почему?

— Так.

Итти затворять ставни она боялась, а если зажечь свет, будет видно снаружи, что в комнате делается... А почему знать, кто там бродит. Брр...

— Ну, еще расскажи.

Катя рассказывала, рассказывала...

От рассказов ей становилось как-то самой спокойнее. Наконец Петя сказал:

— А я опять спать хочу.

— Ну, спи.

Катя была рада, что брат по крайней мере не плачет.

— А мама-то придет?

— Сейчас придет!

Он вскоре засопел.

Чу! Хлопнула калитка.

— Мама!

Катя кинулась к двери.

— Я, я! Отпирай!

Вера Петровна вошла, еле волоча ноги от усталости.

— Что ж в темноте-то сидите...

Затем зажигая лампу, прибавила.

— Уж не знаю, что и делать, просто, страх берет...
Петя тут как без меня, ничего?

— Ничего...

— Ты бы, Катя, пошла, ставни прикройла.

Катя поколебалась с секунду, однако затем храбро пошла в сени.

На дворе было уже совсем темно и в темных кустах сирени Кате чудились какие-то спрятавшиеся люди. А вдруг, пока она затворяет ставни, кто-нибудь тронет ее сзади за плечо. Просто умрешь со страху. И как нарочно ставни как-то зловеще скрипят.

Но в это время слышался стук подъезжающей телеги.

— Папа!

Ночь перестала казаться страшной.

Николай Семенович Сенцов приехал крайне взволнованный.

— За Готищем палят, — сказал он. — Слышите?

Все столпились у двери и прислушались.

Во мраке в самом деле раздавалось вдали какое-то грозное ворчание.

— Говорят, Махно идет. Чорт знает что делается! У тетки была?

— Там просто полное расстройство. Бабушка все время плачет...

— Поплачешь... Сейчас я лошадь сведу, а ты пока ужин давай... Я ведь там не обедал даже... Не хотел задерживаться. Пять мешков привез.

Вера Петровна достала из печки суп и кашу.

Теперь вместо темной ночи в окне белели белые доски и в комнате сразу стало как-то спокойнее.

— Дело дрянь,—сказал Николай Семенович, вернувшись из сарая и сев за стол.—Махно идет и еще чорт его знает кто... Такая будет катавасия. На мельнице что делается! Кузьма просто сам не свой. У него одних обысков по десяти на дню. Ищут, ищут, а кого ищут и сами не знают... Белые, конечно, уйдут, ну да и чорт с ними... А только тут начнется такая каша... Когда еще красные придут неизвестно, а бандитня вся эта так и рыщет кругом...

— Что же делать?

— Что делать, удирать надо!

— Куда?

— В Москву. Я сейчас на мельнице Якова Тимофеевича встретил. Он мне место предлагает на электрической станции.

— А дом так и бросим?.. Мебель-то всю!..

— Что ж, из-за мебели гибнуть? К нам сюда Кузьма переедет, он там жить теперь боится. В самом деле страшно, кругом левада, жилье далеко.

— Ну а жить-то где ж в Москве?

— Временно остановимся у Вари. Ведь она как-никак сестра тебе.

— Ну, конечно, Варя, небось, даже рада будет. А потом?

— Квартиру обещают... Паек! В Москве - то спокойнее.

— Ну, конечно, не то, что здесь... Вот ведь горе! Жили, жили!..

— И еще поживем в другом месте. Причитать тут нечего. Надо применяться к обстоятельствам. И ехать живо, пока еще поезда ходят. Муку, сколько можно, с собой заберем...

— Отымут.

— Ну, сколько можно, провезем. Масла.

— А Кузьма обещал мебель сохранить?

— А ну тебя с твоей мебелью... Что ж, он ее съест, что ли? Катя, хочешь в Москву?

Катя очень любила свой городок, своих подруг, свой огород и садик. Мысль покинуть это так сразу из-за каких-то неведомых людей в мохнатых шапках ей вовсе не улыбалась. Но она была умная девочка и, как говорится, сразу учла положение. К тому же воспоминание о страшных военных было еще слишком свежо. Она поняла, что отец прав и что его нужно поддержать, чтобы ободрить мать. Поэтому она решительно ответила:

— Хочу!

— Вот правильно. Завтра и тронемся.

— Завтра? Да ты с ума сошел!

— А чего ж ждать? Говорю, не нынче — завтра пассажирские поезда станут.

— Ой! Как же так сразу?

Катя с неудовольствием поглядела на мать.

— Конечно, завтра, — сказала она.

— Видишь, дочь-то что говорит.